

УДК 2 : 32 (479)
ББК 86 + 66 (24)
Р 368

Р 368 Религия и политика на Кавказе. Материалы международной конференции. / Ред. А.Искандарян. – Ереван, КИСМИ, 2004. – 120 с.

Фото Дато Мдзинаришвили / Patkerphoto
Дизайн студии МАТИТ / www.matit.am

Religion and Politics in the Caucasus. Conference Papers. / Ed. A.Iskandarian. – Yerevan, CMI, 2004. – 120 p.

Photo by Dato Mdzinarishvili / Patkerphoto
Design by MATIT / www.matit.am

ББК 86 + 66 (24)

ISBN 99930-78-42-5

© КИСМИ, 2004
© 2004 by Caucasus Media Institute

■ ИСЛАМ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: РЕ- ИЛИ ДОИСЛАМИЗАЦИЯ?

Александр Искандарян

Северный Кавказ – регион, в котором практически все проблемы социального, политического, идеологического характера так или иначе имеют исламскую компоненту. Ислам стал частью этнической идентичности народов Северного Кавказа, укоренился в поведенческих стереотипах. Кроме того, ислам по самой своей сути социален и политичен. В нем нет характерного для христианства деления на светское и сакральное. Соответственно, возрождение ислама, реисламизация характеризуется и рождением форм политического ислама. В известном смысле это можно назвать естественным.

Как и всякая религия, традиционный ислам подвергался преследованиям в СССР. Ограничивались возможности духовного образования, строительства мечетей, хаджа (паломничества в Мекку) и т.д. В результате к концу 80-х религия сохранилась практически только на уровне бытовой культуры и как часть этнического самосознания: мусульманство выступало скорее как часть национальной культуры, чем как система взглядов. Так, например, в Дагестане, наиболее исламизированном регионе Кавказа, в 1987 г. действовали лишь 27 мечетей в 12 районах и 4 городах республики. К концу 1994 г. здесь насчитывалось уже 720 мечетей, а также 8 исламских вузов и 111 медресе. А по данным на 2000 г., в Дагестане было 1594 мечети. Ныне в республике действуют более 2150 мечетей, 438 учебных заведений (из них 17 исламских институтов с 45 филиалами). В них получают высшее религиозное образование более 5000 человек, всего же в исламских учебных заведениях обучаются примерно 15 тыс. человек. По численности мечетей республика обогнала не только такие традиционно исламские субъекты РФ, как Татарстан или Башкортостан, но даже несравнимо больший по численности Узбекистан.

За последнее десятилетие прошлого века суммарная численность паломников в Мекку и Медину с Северного Кавказа составила сотни тысяч человек. Возрождение ислама, таким образом, стало частью процесса религиозного возрождения на территориях бывшего СССР.

Однако, кроме консервативного роста, наблюдается также и появление новых для региона форм ислама, в том числе и т.н. радикальных и политических. В некоторой перспективе влияние ислама на политическую реальность Северного Кавказа представляется настолько масштабным, что вполне обоснованно можно ставить вопрос о серьезной деформации светского характера государства.

География исламских течений

Можно сказать, что влияние ислама убывает с востока на запад. Наиболее исламизированными обществами Северного Кавказа являются дагестанское и вайнахские (чеченское и ингушское), наименее – черкесские общества западной части Северного Кавказа (Адыгея, Карачаево-Черкессия, Кабардино-Балкария). В Чечне и Дагестане в традиционном исламе сильны позиции суфизма (мистического течения в исламе, от араб. «суф» шерсть). Распространены тарикаты (ордена, от араб. «тарика» – путь) накшбандийя и кадырийя и в меньшей степени шазилийя¹. На западе Северного Кавказа они не распространены. Точно так же на востоке элементы исламской культуры, в частности традиции подпольного преподавания арабского языка, сохранились, на западе – нет.

С другой стороны, наблюдается рост религиозной активности в западных частях региона, а также рост контактов между этническими субрегионами. Исламовед Алексей Малашенко называет этот процесс «доисламизацией», имея в виду, что на Северном Кавказе продолжается или завершается в специфических условиях растянувшийся в историческом времени и прерванный большевистской революцией процесс утверждения ислама.

1 На северном Кавказе суфистов – последователей традиционного ислама – в отличие от «ваххабитов» принято называть тарикатистами.

Традиционный ислам

На сегодняшний день уже можно говорить о том, что на Северном Кавказе существуют две формы ислама. Это ислам, который принято называть традиционным (а можно и догматическим), и т.н. «ваххабизм» – ислам «новый», большей частью политизированный. Ислам «старый» (на востоке региона это суфизм) к концу двадцатого века уже не подкреплялся исламской ученостью, глубоким мистическим знанием – все это было здесь искоренено еще в 1920-е годы. Для восстановления традиционного ислама потребуется много времени: овладение адептами знаниями и техниками, даже и при наличии учителей, займет десятилетия.

Пока что в сфере традиционного ислама наблюдается лишь консервативный рост инфраструктуры, числа шейхов (учителей) и их учеников. Самые известные шейхи, такие, как Сайд Чиркейский (Ацаев), Багрутдин Ботлихский, Таджуддин Хасавюртовский (Рамазанов, умерший в 2001 г. и оставивший преемников, в частности, Адама Гудермесского), Магомед-Мухтар Бабатов, Арспанали Гамзатов, Сераджуддин Исрафилов и другие, имеют по несколько тысяч последователей. Недостаток у некоторых из них образования или бараки (благодати) компенсируется общественной активностью. Обрядовая сторона мистических культов или ритуалы делают тарикатизм формой приобщения к исламу. Поскольку институционализированный ислам на Северном Кавказе – это суфизм, то принадлежность к «официальному» священству и тарикатизм становятся частью одно другого. При этом фундаментальных исследований по исламу не проводится, крупных алимов (ученых) нет. Возникающие иногда противоречия между накшбандийцами и кадырийцами почти всегда носят обрядовый характер.

Официальный ислам Северного Кавказа институционально раздроблен. Духовное управление мусульман Северного Кавказа (ДУМСК), существовавшее в советское время, распалось уже в 1989 году на республиканские духовные управления. Они продолжали дробиться, что было еще одним свидетельством обособления кавказских народов. Теперь даже в Дагестане практически каждый этнос имеет свое духовное управление.

Однако в смысле политической ориентации все духовные управления, оба крупных тариката, а также существующий только в Дагестане тарикат шазилийя являются скорее традиционалистскими. Они обычно поддерживают существующие власти, представители духовенства инкорпорированы в политические элиты. В этом смысле тарикатистский или суфистский ислам не является самостоятельной политической силой. Политическая тактика лидеров «тарикатистского ислама» сформирована на основе принципа: «Правители являются путеводителями и наставниками для людей, а для правителей наставниками являются алимы...»

Хотя следует добавить, что на низовом уровне во многих районах Северного Кавказа, особенно в горных районах, именно местные имамы, а не руководители сельских администраций являются действительной властью. Кандидаты же на выборные политические должности делают крупные пожертвования имамам мечетей в расчете на их одобрение и призыв к мусульманам голосовать за них. При этом отмечены случаи, когда у «неугодных» кандидатов такие пожертвования не принимаются.

«Ваххабизм»

Не так обстоит дело с т.н. «ваххабизмом». Северокавказских «ваххабитов» правильно было бы называть «салафитами» (араб. ас-салаф – предки). Так в исламском мире принято называть всех сторонников возвращения этических норм, якобы существовавших в эпоху раннего ислама. Очищение от поздних напластований, в том числе пришедших от этнических культур и из обычного права – декларируемая цель салафитов.

Однако на Северном Кавказе привился термин, первоначально обозначавший частный (причем другой) случай салафизма - «ваххабиты». Реальный ваххабизм (по имени аравийского проповедника XVIII века Мухаммада ибн. Абд ал-Ваххаба ат-Тамими) является основой официальной версии ислама в Саудовской Аравии и к Северному Кавказу имеет весьма опосредованное отношение.

Тем не менее, специфическое явление существует, приходится его именовать этим термином, с той оговоркой, что к ваххабизму саудовскому он не имеет почти никакого отношения².

Кроме того, северокавказский ваххабизм не является единым течением – ни в институциональном смысле, ни в религиоведческом. От региона к региону он меняет свои параметры, крайне неоднороден и воспринимается как общая масса (структура) только извне (причем «недоброжелателями»)

Политический ислам появился в России еще в июне 1990 г., когда в Астрахани была создана Исламская партия возрождения. Зарегистрирована партия была в Дагестане, у ее основания стояли почти все более поздние лидеры северокавказского политического ислама, такие как Ахмедкади Ахтаев, Багауддин Кебедов (позже – Багауддин Мухаммад) и его брат Аббас. К 1994 году партия распалась, умеренные лидеры (как, например, Валиахмед Садур) ушли из политики, а эволюция менее умеренных привела их в конечном итоге к подполью и тому, что стали называть северокавказским ваххабизмом.

Зародилось это явление на Северном Кавказе в Дагестане, и только потом проникло в Чечню и далее. Во время чеченской войны, естественным образом, это явление в Чечне усилилось, радикализировалось, не исчезнув, однако, и в Дагестане, и распространившись на западные районы Северного Кавказа. Принято обвинять адептов этой идеологии в том, что они получают помощь из-за рубежа. Не углубляясь в эту тему, стоит заметить, что помощь из Саудовской Аравии и других ближневосточных стран действительно поступает (как, впрочем, она поступает и в другие районы России с населением, традиционно исповедующим ислам), однако рассматривать это явление как целиком привнесенное извне не следует – у него, несомненно, есть глубокие внутренние причины.

2 Следует оговориться, что слово «ваххабит» к северокавказским салафитам применяется исключительно в качестве негативного термина. Сами они себя так никогда не называют, естественно, никогда их так не называют и ваххабиты истинные, саудовские. Однако термин «ваххабиты» в применении к северокавказским салафитам вошел в политические словари и стал общеупотребительным.

Социальные корни северокавказского ваххабизма

На Северном Кавказе, более, чем где-либо еще в России, имеются социальные условия для зарождения радикалистски-эгалитаристских идеологий на основе ислама. Социальной основой для исламского радикализма, как и на Ближнем Востоке, является пауперизированная молодежь.

Поначалу это обновленческое течение в исламе не могло завоевать широкой популярности, находя сторонников лишь в среде полумаргинальных исламских интеллектуалов. Однако популярность «ваххабизма» росла по мере обнищания населения в результате краха советской экономики. В горных районах при высокой рождаемости и критической нехватке пригодной для обработки земли практически отсутствуют перспективы для молодежи. Безработица среди молодых достигает в некоторых регионах 85%. Уровень жизни чрезвычайно низок даже для России, и это на фоне коррумпированности элит и криминализованности всей экономической сферы. Все это, естественно, приводит к популярности лозунгов социального равноправия, обличению коррумпированных властей и критике погрязших в роскоши и лицемерии «официальных» мулл.

В северокавказском «ваххабизме» довольно отчетливо выделяется несколько групп:

1. Ваххабизм «интеллигентский». К этой группе можно отнести собственно основателей и лидеров течения, а также молодых людей, которые уже успели получить исламское образование в постсоветское время в университетах Ближнего Востока и возвращаются домой. Сам факт их образованности не позволяет им встраиваться в структуры традиционного ислама с его нынешними лидерами.
2. Ваххабизм «бедных». Обнищавшее крестьянство и пауперизированное безработное население городов находят в ваххабизме простоту социальной доктрины и строгого соблюдения простых этических норм. Этика братства и единства мусульман дает

возможность не предаваться отчаянию, но возбуждает чувство агрессии по отношению к «чужим»

3. Ваххабизм «богатых». Успешные экономические представители нового хозяйственного типа, не желающие встраиваться в коррумпированные структуры, берущие свое происхождение из СССР. Высокая мотивация к достатку плюс устои традиционной религиозности способствовали развитию религиозной дистанции от окружающих (этот тип ваххабитов был практически разрушен полицейскими мерами после дагестанских событий в 1999 году).

Примерно с начала 90-х в Дагестане, а потом и на остальном Северном Кавказе начали образовываться джамааты (общины) последователей «нового ислама», которые практически становились в оппозицию центральным властям и тарикатистскому духовенству.

Образовались десятки джамаатов, причем в двух, опять же дагестанских, - Карамахи и Чабанмахи - жители формально провозгласили независимость от светских властей. Вне зависимости от формальных деклараций джамааты чаще всего были реально независимы. Жители таких сел (как, впрочем, и всех других) были обычно вооружены, так что власти не могли реально вмешиваться в их внутренние дела. Иногда происходили столкновения жителей джамаатов с жителями соседних сел, в том числе вооруженные. Случались и столкновения «ваххабитов» с российскими военнослужащими. Власти довольно неуклюже пытались противодействовать радикалам запретительными мерами и полицейскими акциями, что не могло привести ни к какому результату, ибо зачастую «ваххабиты» были вооружены лучше полиции. Преследования дагестанских «ваххабитов» и резко отрицательное отношение к ним общества привело к миграции последних в неподконтрольную ни дагестанским, ни московским властям Чечню. Там они концентрировались также в джамаатах, наиболее известный из которых, возглавляемый иорданцем Хаттабом, находился в селе Сержень-Юрт. Этот джамаат представлял собой военно-учебную базу в горной части Чечни. Молодых людей из Чечни и Дагестана там обучали военному делу, преподавая также в созданном при базе институте и основы ислама.

Ситуация в этой части Северного Кавказа резко изменилась только после 1999 г. когда ваххабиты в Дагестане были вынуждены фактически уйти в подполье в результате событий, последовавших за вторжением отрядов под руководством Басаева. В результате, в гораздо меньших размерах (просто в силу меньшей «емкости» территории) часть ваххабитов мигрировали на опять-таки не подконтрольную никому территорию Панкисского ущелья в Грузии

Опять-таки следует четко понимать, что в своем подавляющем большинстве группы «ваххабитов» исповедуют систему взглядов, скорее являющуюся политической идеологией, чем собственно религией. В салафизме существуют два вида бинарных оппозиций: «Запад-ислам» и «истинные мусульмане – плохие мусульмане». Чрезвычайно важным становятся не только межконфессиональные расхождения, но и внутриконфессиональные. Акцентируется внимание на теме джихада (араб. «усилие» – борьба за веру) приобретают огромное значение темы политической или даже вооруженной борьбы против куфра («неверия»). Таким образом, салафизм начинает приобретать черты политической идеологии, облеченной в религиозную форму. Эту идеологию обычно можно подразделить на социальную (борьба с коррупцией, социальным неравенством, несостоятельностью традиционного священства) и политическую (неподчинение неисламской власти, борьба за создание исламского государства вне пределов России). С точки зрения религиозных экстремистов, традиционные для Северного Кавказа формы ислама противоречат канонам истинного ислама. Салафиты противопоставляют этнический национализм концепции «аль-умма аль-исламийя» (исламская нация). Противостояние мусульман России приобретает, таким образом, форму межрелигиозного конфликта между исламом и христианством. На основе религиозной риторики складывается примитивный вариант конфронтационной политической идеологии, инструментально подходящей для идеологического обоснования сопротивления.

Структура ваххабистского движения

Салафизм на Северном Кавказе носит скорее анклавный характер. Несколько групп действуют в Дагестане³. Это «Исламский джамаат» (его основатель Багауддин Мухаммад до событий 1999 года находился в Чечне, а с тех пор неизвестно, жив ли он и где находится); «Аль исламиййа» (наследники Ахмадкади Ахтаева, умершего в 1998); группа вокруг Аюба Омарова в Южном Дагестане, в поселке Цумади; группа вокруг мечети Аль Хикма в Кизилюрте, и другие. В Карачаево-Черкесии также существуют группы «Аль Исламиййа» и «Исламский джамагат» (карачаевская форма написания слова джамаат), а также объединение «Имамат». В Кабардино-Балкарии действуют группы «Братья мусульмане» и «Джамаат», в Адыгее – «Джамаат».

Родоначальником собственно «ваххабистского проекта» принято считать Багауддина Мухаммада, который проповедовал эту форму ислама с конца восьмидесятых. Несмотря на похожие или просто одинаковые названия групп в разных республиках, они слабо связаны между собой политически и идеологически. Чаще всего, дальше примитивной идеологии противостояния с «западными язычниками» дело не идет. Пожалуй, единственным местом, где «ваххабизм» получил сколько-нибудь широкое распространение, оказалась Чечня.

Чрезвычайно трудно судить о численности религиозных экстремистов в республиках Северного Кавказа. И причиной этой сложности является далеко не только «подпольность» ваххабитов. Структура салафизма в республиках СК чрезвычайно гибка. Индивидуального членства в политических и квазирелигиозных организациях, естественно, не существует. Многочисленные джамааты представляют собой аморфные структуры с гибкой системой рекрутирования и «членства». Если попробовать приблизительно оценить количество сторонников «ваххабизма», то следует предположить, что в каждой

3 Группы называются приблизительно, про некоторые из них неизвестно, существуют ли они еще, некоторые лидеры скрываются.

республике Северного Кавказа есть ДЕСЯТКИ людей, являющихся активистами и адептами радикальных исламских течений и готовых взять в руки оружие (многие из них, вне зависимости от этничности, делают это в Чечне). Далее, в каждой республике (конечно, при существенных отличиях) есть СОТНИ людей, постоянно контактирующих между собой и «изучающих» ислам.⁴

И, несомненно, в каждой республике есть ТЫСЯЧИ людей, которые, не являясь непосредственно сторонниками и тем более активистами «ваххабизма», симпатизируют его сторонникам, иногда поддерживают общины и мечети материально.

В общем, можно сказать, что «ваххабиты» составляют незначительное меньшинство населения (кроме крайне экономически неблагополучных районов типа горного Дагестана или Тырныауза в Кабардино-Балкарии), однако присутствует т.н. фактор «замороженной активности», когда изменение политической ситуации, например, усиление давления федерального центра, может привести к резкому росту религиозного экстремизма. Как, собственно, и произошло в Чечне.

Несомненной причиной этому явилась война. Уже во время первой чеченской войны и сразу после нее перед чеченскими политиками встал вопрос об идеологическом конструкте, который можно было бы использовать для организации сопротивления, а потом государства. Формирование исламской идентичности, исламского государства, исламского законодательства привело к тому, что политики (или полевые командиры, что в Чечне было одно и то же) стали объявлять себя приверженцами «истинного ислама». Была сформирована из салафитов «исламская гвардия». Такие политики/полевые командиры как Мавлади Удугов, Зелимхан Яндарбиев, Шамиль Басаев стали ассоциироваться с «ваххабитами».

Довольно логичным в этом контексте стал и «поход» на Дагестан Шамиля Басаева в 1999 году. Салафитский проект должен был быть

4 «Изучение» при этом чаще всего включает заучивание примитивных формул, обосновывающих «джихад», сами учителя очень часто люди безграмотные.

направлен на расширение за пределы Чечни по самой своей сути. Дагестанские идеологи ваххабизма, как Багауддин Мухаммад или Ахмат-кади Ахтаев, проводили много времени в Чечне, занимались организацией там пропаганды, имели вооруженные отряды в самом Дагестане и пр. Однако в Дагестане, не прошедшем через революцию, как Чечня, не подвергшемся экспансии со стороны российской центральной власти, сохранившем в значительной степени структуру элит, эта попытка была обречена на поражение. Любые потрясения привели бы к нарушению этнического баланса. Поэтому «ваххабитский поход» не мог не произойти, но не мог и удался.

После 1999 года «ваххабизм» стал основным идеологическим конструктом, обеспечивающим привлечение боевой силы в ряды герильяров. Таким образом, в Чечне принадлежность к «ваххабитам» стала маркером принадлежности к боевикам.

Начал развиваться процесс «омоложения» ваххабизма, нехарактерный для других этносов Северного Кавказа. Уже примерно (по эмпирическим, естественно, данным) до трети сражающихся – дети 15-17 лет. Детей легче вербовать, они не обременены семьями, с большей охотой идут воевать. Кроме того, речь идет о поколении, не учившемся в школе, о малограмотных или вовсе неграмотных мальчиках, выросших в условиях перманентной войны и криминальной вседозволенности. Это поколение крайне враждебно относится ко всему русскому. Для представителей старшего поколения боевиков война представляет собой скорее борьбу чеченского народа с российским государством за независимость, чем религиозную войну, соответственно в их среде много тарикатистов или даже людей, не придающих значения вере (насколько это возможно в Чечне). Для мальчиков же, для которых русский человек – это просто враг, лишенный индивидуальных черт, идеологическое обоснование войны уже другое. Для них это война исламского мира с иудео-христианским. Мифология ближневосточных радикалов в ее северокавказском «ваххабитском» варианте в среде молодых боевиков становится все более популярной, почти общепринятой.

«Ваххабизм» намеренно распространяется командирами как чрезвычайно удобная идеология. Под названием «основы ислама» он входит в учебные планы всех подпольных курсов военной подготовки будущих боевиков. Кроме того, поведение российских солдат, практика заложничества, немотивированные убийства и т.д. дают лишнее подтверждение примитивной картине противостояния христианам, которые «просто хотят уничтожить мусульман».

Социальная гибкость структуры герильи в сочетании с горючей массой необразованных радикально настроенных людей рождает специфическую субкультуру противостояния. Чеченская молодежь, выросшая в идеологии джихада – это пока лишь рядовые солдаты сопротивления, а те, кто ими командует, судя по всему, просто используют «ваххабизм» как удобную идеологию. Однако ничто не предвещает того, что в республике скоро прекратятся бои, уйдут федеральные войска, появятся социальные перспективы для молодежи. А значит, через 5-7 лет поколение войны – нынешние мальчишки – станут уже большинством сопротивления, и из их среды выделятся новые лидеры герильи. Это будет качественно новый тип командиров, не представляющих себе ни переговоров, ни мира с русскими. Это будет почти точный аналог ближневосточных исламских радикалов⁵.

Результатом событий 1999 года стал, в частности, и окончательный поворот политики властей, как местных, так и федеральных, к полицейскому преследованию ваххабитов и запрету ваххабизма и за пределами Чечни. В республиках Северного Кавказа были разгромлены и ликвидированы общины, которые открыто не подчинялись центральным властям. Ислам стал четко делиться на подконтрольный властям «официальный», тарикатистский,

■

5 Следует учесть, что информация по развитию ваххабизма на Северном Кавказе носит чрезвычайно противоречивый характер. Кроме Чечни, нигде ваххабизм не был официален, везде он встречал сопротивление местных властей и духовенства, существовал в полуподполье, а начиная с 1999 г. – в подполье. Даже ключевые факты, например, жив ли Багауддин, или насколько развиваются те или иные группы, чаще всего неизвестны. Однако общая тенденция по превращению этого направления политического ислама в тайное, развивающееся, хотя и децентрализованное общество, более или менее ясна.

и подпольный, «ваххабистский». Борьба с последним ведется довольно активно, причем власти особо не выделяют каких-либо групп ввиду их сравнительной малочисленности. Борьба обычно носит чисто полицейский характер, чаще всего она вполне уместна, ибо последователи радикального ислама действительно нарушают закон, например, хранят оружие. Впрочем, иногда репрессии бывают и неприкрыто направлены против собственно идеологии «ваххабизма», особенно в Дагестане, где он больше развит.

Часто преследования «ваххабитов» и резко отрицательное отношение к ним общества приводят к миграции последних в Чечню или в неконтролируемое никем Панкисское ущелье на территории Грузии.

Руководства северокавказских республик воспринимают протестный потенциал «нового ислама» как угрозу всему строю клановой системы власти в республике. В условиях, когда зачастую основной сферой экономики в республиках является распределение федеральных траншей (Дагестан, например, примерно на 90% дотируется из федерального бюджета), политическая, экономическая, криминальная и этнически-клановая элиты слиты. Власти пока в состоянии консолидировать большую часть обществ против «чужеродного ислама», но не устранить причины, ведущие к нему.

Конечно же, «ваххабизм» как явление никуда не исчез, более того, идеи политического ислама становятся все более популярны, они активно распространяются на западные районы Северного Кавказа. Принадлежность к некой специфической субкультуре становится частью этнической и социальной идентичности, особенно в среде молодежи. Явление это еще слабо изучено. Политический ислам Северного Кавказа очень неоднороден, но, тем не менее, при изменении ситуации вполне способен заполнить собой ту «нишу» идентичности, которая образовалась за последние годы.

Исламский радикализм – сложное явление, включающее в себя социальный, экономический, этнокультурный, идеологический, юридический и политический аспекты. Такого рода комплексные проблемы не могут быть разрешены запретами. Полицейские меры

должны быть только одной – причем не самой существенной – из составных частей работы, а не подменять ее. Это не значит, что может существовать сколь угодно сложная стратегия противодействия радикализму, гарантирующая стопроцентный результат. Мировой опыт такого рода скорее отрицателен, чем положителен. Однако усиление репрессий, попытка представить верующих уголовниками, не имеющими никакой связи с народом, только увеличивает социальную базу движения и загоняет проблему внутрь. То есть такая стратегия контрпродуктивна по сути. Опыт Ближнего Востока показывает, что к власти группы религиозных экстремистов, как правило, не приходят, однако мощным дестабилизирующим фактором могут являться десятилетиями. В условиях же разрушенного традиционного ислама, когда ваххабизму, строго говоря, ничего, кроме обычного консерватизма, не противостоит, последствия могут быть особенно серьезны.

Таким образом, прямую опасность для стабильности Северного Кавказа сейчас представляют не столько ваххабиты сами по себе, изначально составлявшие замкнутые незначительные группы, сколько маргинальные политики, использующие их в качестве пробивной силы – с одной стороны, и официальные власти, безграмотно борющиеся с явлением, сути которого они даже не понимают – с другой. Так как и то и другое – явления вполне объективные, ваххабиты будут в обозримом будущем оставаться криминализированным подпольным сообществом. Однако говорить всерьез о возможности их объединения для джихада на всем Северном Кавказе, конечно, не приходится. Хотя десятки молодых людей будут вливаться в чеченские отряды, продолжая работать на представление чеченского сопротивления общеисламским джихадом.